

Юль Теймать

ИСТОРИЯ
С КЛАДБИЩЕМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44
Г29

Neil Gaiman
THE GRAVEYARD BOOK

Печатается с разрешения автора при содействии
литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.

Художественное оформление:

Серия «Мастера магического реализма»:
Андрей Фerez (иллюстрация)
Василий Половцев (серийное оформление)

Серия «Эксклюзив Миллениум»:
Андрей Фerez (иллюстрация)
Екатерина Фerez (серийное оформление)

Гейман, Нил.

Г29 История с кладбищем : [роман] / Нил Гейман ;
[пер. с англ. Е. Мартинкевич]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-17-111192-2 (Мастера магического реализма)
ISBN 978-5-17-093641-0 (Эксклюзив Миллениум)

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111192-2
ISBN 978-5-17-093641-0

Copyright © Neil Gaiman, 2008
© Е. Мартинкевич, перевод
на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мертвый босяк
В телеге обмяк.
Был он никто,
Вы же за то
Жалкие кости
Здесь и бросьте.

*(Из детского
народного стихотворения)*

Глава 1

КАК НИКТО НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОКОЙНИКОВ

В темноте появилась рука, а в руке — нож.

Рукоять ножа была из отполированной черной кости, а лезвие — из твердой стали и такое острое, что рану и не заметишь. Сперва.

Нож уже почти завершил то, зачем попал в дом. Поэтому и лезвие, и рукоять были мокрыми.

В приоткрытую дверь, куда недавно пробрались нож и его хозяин, вползали космы ночного тумана.

Человек по имени Джек замер у лестницы. У него были черные волосы, черные глаза и тонкие-претонкие черные перчатки. Левой перчаткой он вытащил из кармана черного плаща огромный белый платок, протер нож и правую перчатку, потом засунул платок обратно. Охота близилась к концу. Женщина лежала на кровати, мужчина — на полу спальни, их дочь — в детской с веселыми обоями, среди игрушек и незаконченных поделок.

Остался сын, который едва научился ходить, — и все.

Человек по имени Джек размял пальцы. Прежде всего он был профессионалом — во всяком случае, считал себя таковым — и не улыбался, пока не выполнит работу целиком.

Вторая детская была под самой крышей. Человек по имени Джек тихо поднялся по устеленным ковром ступенькам, открыл дверь мансарды и вошел. В начищенных черных туфлях, как в зеркалах, отразился крошечный месяц.

Большая луна светила в окно. Светила неярко, тонула в тумане, но человеку по имени Джек этого хватало. Более чем.

Он различил в кровати детский силуэт: голову, руки, ноги, туловище. Перегнулся через высокий деревянный бортик — такие делают, чтобы ребенок не вылез, — поднял правую руку с ножом, нацелился в грудь...

...и опустил руку. В кровати лежал плюшевый мишка. Ребенка не было.

Человек по имени Джек привык к слабому лунному свету и не стал включать электрический. Впрочем, в свете и так не было большой нужды: владелец ножа умел кое-что еще.

Он потянул носом воздух. Постарался отсеять запахи, которые принес в комнату сам, отmel все лишнее и сосредоточился на запахе того, за кем охотился. Он учуял ребенка: аромат молока и печенья с кусочками шоколада. Кислая, резкая вонь

мокрого подгузника. Детский шампунь и еще что-то маленькое и резиновое. Игрушка? Нет, скорее, соска.

Ребенок был здесь. И пропал. Принюхиваясь, человек по имени Джек обошел весь высокий и узкий дом сверху донизу. Осмотрел ванную с туалетом, кухню, сушилку и, наконец, прихожую, где нашлись только велосипеды, груда пустых хозяйственных сумок, ночной подгузник да заползшие с улицы пряди тумана.

Человек по имени Джек издал негромкий звук: то ли раздраженно крикнул, то ли довольно хмыкнул. Сунул нож в ножны, вшитые во внутренний карман плаща, и вышел на улицу. Туман окутывал луну и фонари, глушил звуки, рождал обманные тени. Ниже по улице горели витрины закрытых магазинов. На холме громоздилось темное старое кладбище.

Человек по имени Джек, нюхиваясь, неторопливо пошел в гору.

Едва начав ходить, малыш стал для папы с мамой и отрадой, и досадой: еще не родился на свет другой такой ребенок, который так же любил бы ползать по дому и забираться во все укромные уголки. Этой ночью он проснулся от грохота внизу — будто что-то упало. Поскольку спать уже не хотелось, мальчик решил выбраться из кровати. Борты у нее были высокие, как у манежа в гостиной, но перелезть через них он умел. Вот бы еще приступочку...

Мальчик оттащил в угол кровати своего большого золотистого мишку. Потом, вцепившись в перила ручонками, поставил одну ногу на живот медведя, вторую — на голову, подтянулся и вылез, точнее, вывалился из кровати на пол.

С глухим стуком он шлепнулся прямо на груды мягких игрушек — подаренных на первый день рождения, меньше чем полгода назад, или перешедших по наследству от сестры. Упав, мальчик удивился, но не заплакал: если шуметь, взрослые придут и снова положат тебя в кровать.

Он выполз за дверь.

Подниматься по лестнице — целая наука, и мальчик ее еще не совсем освоил. А вот спускаться, как он уже давно выяснил, гораздо проще. Он сел на пухлую попку и начал плюхаться со ступеньки на ступеньку.

Все это время он сосал резиновую соску. Мама стала почему-то говорить, что он уже большой для соски.

Мальчик бухнулся на последнюю ступеньку, встал и вышел на середину маленькой прихожей. Подгузник, который еще по пути расстегнулся, тут у него и упал. Мальчик из него вылез и остался в коротенькой рубашонке. Ступеньки в детскую и спальню были очень высокие, а вот дверь на улицу так и манила...

Мальчик с легкой опаской ступил за порог. Туман обнял его, как давнего друга, и мальчик засеменял вверх по улице — сначала неуверенно, потом все тверже и быстрее.

На макушке холма туман редел. При свете луны было, конечно, не так светло, как днем, но рассмотреть кладбище было можно.

Взгляните сами.

Вы увидите заброшенную часовню с запертой железной дверью, увитым зеленью шпилем и маленьким деревцем, выросшим прямо в сточном желобе на крыше. Вы увидите надгробные камни, могилы, склепы и мемориальные плиты. А вот перебежал через дорожку и шмыгнул в кусты какой-то зверек: кролик, землеройка или хорек.

Всё это вы различили бы при свете луны, окажись вы в ту ночь на старом кладбище.

Зато вы едва ли заметили бы бледную полную женщину, которая прогуливалась у ворот. А если бы и заметили, то, присмотревшись повнимательнее, решили бы, что это лишь игра света, тумана и тени.

И все-таки женщина там была. Сейчас она как раз миновала несколько покосившихся надгробий по пути к воротам.

Ворота кладбища были закрыты. Их всегда запирали в четыре дня зимой и восемь вечера летом. Часть ограды представляла собой частокол острых металлических прутьев, остальное — высокую кирпичную стену. Между прутьями оставался небольшой зазор — слишком узкий не только для взрослого, но и для десятилетнего ребенка...

— Оуэнс! — вскрикнула бледная женщина. Ее голос напоминал шуршание ветра в осоке. — Оуэнс! А ну-ка, глянь сюда!

Она к чему-то наклонилась. В лунном свете дрогнула тень и оказалась седеющим мужчиной лет сорока с небольшим. Мужчина посмотрел на жену, потом на то, что привлекло ее внимание, и поскреб в затылке.

— Сударыня... — начал он. (Так было положено обращаться к жене в его время.) — Может, это зрительный обман?

В этот миг объект внимания миссис Оуэнс явно ее заметил, потому что открыл рот, выронив на землю пустышку, и — невероятно! — потянулся пухлым кулачком к бледному пальцу женщины.

— Я съем свой котелок, — заявил мистер Оуэнс, — если это не ребенок.

— Ах, конечно же, ребенок! — воскликнула его супруга. — Вопрос в том, что с ним делать?

— Боюсь, вы правы, сударыня, — отвечал ее муж. — Однако вопрос этот не нам решать. Дитя, бесспорно, живое и, стало быть, не имеет отношения к нам и нашему миру.

— Подумать только, улыбается! Какой славенький! — Миссис Оуэнс погладила бестелесной рукой редкие светлые волосы. Мальчик радостно засмеялся.

Вдруг по кладбищу пронесся ледяной ветер и сдул туман с нижних склонов (дорожки кладбища вились по всему холму — вверх, вниз, а иногда и по кругу). Раздался грохот: кто-то дергал ворота и теребил тяжелый навесной замок с цепью.

— То-то же, — сказал Оуэнс. — Это родичи дитяти, которые жаждут вновь прижать его к лю-

блещущей груди. Оставьте младенца в покое! — добавил он, видя, что миссис Оуэнс обвила ребенка бесплотными руками и гладит по голове.

— Ох, не похож он ни на чьего родича! — проговорила миссис Оуэнс.

Человек в черном плаще устал трясти ворота и подошел к боковой калитке. Та оказалась тоже тщательно заперта. В прошлом году на кладбище был случай вандализма, и городской совет принял меры.

— Пойдемте, сударыня. Оставьте его, сделайте любезность!

Вдруг мистер Оуэнс раскрыл рот и замолчал. Он увидел привидение.

Казалось бы — и если вам тоже так кажется, вы совершенно правы, — призрак не должен был так уж изумить мистера Оуэнса. Ведь сами мистер и миссис Оуэнс покоились с миром уже несколько сотен лет и всё это время имели дело лишь с себе подобными — то бишь с мертвыми. Однако это привидение совсем не походило на обитателей кладбища — странно дрожащее, серое, как экран телевизора, когда тот «снежит». Его паника волнами захлестывала все вокруг, включая самих Оуэнсов. На самом деле призраков было три: два контура покрупнее, один поменьше, но четко виднелась лишь одна фигура.

— Мой сын! Он хочет убить моего сына!

Что-то загремело. Мужчина поволок тяжелую металлическую урну через дорогу, к ограде кладбища.

— Защитите моего ребенка! — сказал призрак, и миссис Оуэнс решила, что это женщина. Мать, конечно же.

— Что он с вами сделал? — спросила миссис Оуэнс, хотя не была уверена, слышит ли та ее. Только скончалась, бедняжка! Куда легче отходить тихо, чтобы потом проснуться там, где тебя похоронили, смириться со смертью, увидеть своих соседей. А это существо состояло из одного только страха за ребенка. Страх, словно крик, звенел в ушах Оуэнсов и привлекал внимание остальных. Бледные фигуры потянулись к ним со всего кладбища.

— Кто ты? — обратился к призраку Гай Помпей. Ветер и дождь давно превратили его надгробный камень в простой валун. Две тысячи лет назад Гай Помпей попросил, чтобы его тело не отсылали в Рим, а похоронили на холме у мраморного храма. Теперь, как один из старейших покойников кладбища, он очень ревностно относился к своим обязанностям. — Твое тело покоится здесь, женщина?

— Да нет же! Вы посмотрите, она только что умерла! — Миссис Оуэнс одной рукой обняла женскую фигуру и принялась ее тихо и рассудительно увещевать.

От высокой стены между кладбищем и улицей донесся стук, а потом грохот. Урна покатилась. На краю ограды, на фоне размытых туманом фонарей возник темный мужской силуэт. Мужчина ненадолго замер, а потом спустился по стене, цепляясь руками и болтая ногами. За несколько футов до земли он разжал руки и спрыгнул.

— Но, милочка, — обратилась миссис Оуэнс к фигуре. Из трех уже осталась одна. — Он живой. Мы — нет. Как вы себе представляете...

Ребенок озадаченно смотрел на обеих. Потянулся сначала к одной, потом к другой, но схватил только воздух. Призрак его матери быстро таял.

— Да, — произнесла миссис Оуэнс в ответ на слова, которые слышала только она одна. — Да, если это возможно. — Она повернулась к стоявшему рядом мужчине. — А ты, Оуэнс? Станешь ли ты отцом этому малышу?

— Я... отцом? — наморщил лоб Оуэнс.

— У нас ведь так и не было детей. А его мать просит, чтобы мы его защитили. Ты согласен?

Человек в черном плаще выпутался из зарослей среди старых оббитых надгробий и осторожно пошел вперед. Спугнутая сова бесшумно улетела прочь.

Человек увидел ребенка, и глаза его загорелись торжеством.

Оуэнс знал, что думает его жена, когда говорит таким тоном. Не зря же они были вместе (до гробовой доски и после) добрых двести пятьдесят лет.

— Вы твердо уверены, миссис Оуэнс? Без всяких сомнений?

— Уверена, как ни в чем и никогда!

— Тогда я согласен. Если вы решили стать ему матерью, я буду отцом.

— Слышали? — Миссис Оуэнс повернулась к мерцавшей фигуре, от которой остались лишь смутные очертания, похожие на отблеск зарницы.

Фигура сказала еще что-то, слышное только миссис Оуэнс, и исчезла.

— Больше мы ее не увидим, — сказал мистер Оуэнс. — В следующий раз она проснет-ся на своем кладбище или там, куда направляется.

Миссис Оуэнс нагнулась к малышу и протянула руки.

— Иди сюда! — ласково позвала она. — Иди к мамочке!

Человек по имени Джек уже шел к ним, держа в руке нож. Вдруг ему показалось, будто ребенка окутал завиток тумана, и мальчик пропал. Остались только сырой туман да качающаяся трава.

Джек моргнул и потянул носом воздух. Что-то случилось, но он понятия не имел, что. Из глубины его глотки вырвалось злобное ворчание хищника, упустившего добычу.

— Эй! — крикнул человек по имени Джек. Может, ребенок спрятался за кустом? Голос был мрачным, грубым и каким-то странным, словно мужчина не привык говорить.

Кладбище не раскрывало своих секретов.

— Эй! — снова позвал он, надеясь, что ребенок хныкнет, залепечет или хотя бы шевельнется. К его удивлению, в ответ прозвучал бархатистый голос:

— Вам помочь?

Человек по имени Джек был высокого роста. Этот — еще выше. Джек был весь в черном. Этот — еще чернее. Всем, кто замечал Джека за делом —

а он не любил, когда его замечали, — становилось страшно, тревожно или как-то не по себе. Джек посмотрел на незнакомца, и ему самому стало не по себе.

— Я кое-кого ищу, — сказал человек по имени Джек, спрятав руку в карман плаща так, чтобы нож оставался наготове.

— На запертом кладбище среди ночи? — уточнил незнакомец.

— Ребенка, — ответил человек по имени Джек. — Я просто шел мимо и услышал детский плач. Заглянул за ограду — ребенок. Что бы сделал другой на моем месте?

— Рукоплещу вашей гражданской сознательности. Однако, найди вы ребенка, как бы вы отсюда выбрались? С ним на руках через стену не перелезть.

— Я бы кричал, пока меня кто-нибудь не услышал бы и не выпустил, — сказал человек по имени Джек.

Тяжелый звон ключей.

— Этот «кто-нибудь» — я, — заметил незнакомец. — Я бы вас и выпустил. — Он выбрал из связки большой ключ и сказал: — Прошу за мной.

Человек по имени Джек двинулся следом за незнакомцем, одновременно вытаскивая из кармана нож.

— Так вы смотритель?

— Я? О да, в некотором роде...

Чем ближе они подходили к воротам, тем дальше оставался ребенок. У Джека не было в этом ни-